УДК 327.54, 327.56, 327.57

Елизавета ГРОМОГЛАСОВА

А.А. ГРОМЫКО НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ “НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС”

Аннотация. Статья посвящена исследованию восприятия американской общественностью личности Андрея Андреевича Громыко, его дипломатического искусства, а также его роли в советской внешней политике. Это восприятие формировалось средствами массовой информации США. Всю совокупность вышедших за эти годы репортажей, статей и заметок, посвящённых Громыко, невозможно охватить в рамках одной научной статьи. Поэтому в качестве конкретного примера был выбран корпус публикаций об А.А. Громыко, вышедших на страницах газеты “Нью-Йорк таймс”. Всего публикаций, в которых упоминается Громыко, за период с мая 1941 по январь 2019 гг. вышло более восьми с половиной тысяч. В рамках настоящего исследования было проанализировано около 100 публикаций разных жанров. Проведённое исследование позволило сделать вывод о том, что А.А. Громыко, благодаря своим личным качествам: дружелюбию в общении, сдержанности в словах, искреннему отстаиванию принципов законности и мирного общежития в международных отношениях, – смог переломить в американском общественном сознании “образ врага” времён конфронтации. Он воспринимался американцами как жёсткий переговорщик, “Мистер Нет”, но одновременно стал олицетворением гуманного начала в советской дипломатии периода холодной войны.

Ключевые слова: Громыко, советская внешняя политика, дипломатия, международные переговоры, “Нью-Йорк таймс”.

Молодой дипломат

В 2019 г. исполнилось 110 лет со дня рождения А.А. Громыко. Этот выдающийся государственный деятель руководил советской дипломатией 28 лет. С его именем связано оформление дипломатических итогов Второй мировой войны. Победа в ней стала беспрецедентным достижением советского народа. Громыко был

© **Громогласова Елизавета Сергеевна** – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН. **Адрес:** 115035, Россия, Москва, ул. Большая Ордынка, д. 21.
E-mail: beth.lavrova1@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62019183193>

одним из тех советских дипломатов, кто работал на благо своей Родины в самые тяжёлые годы Великой Отечественной войны и стоял у истоков дипломатических договорённостей, позволивших закрепить мирными средствами итоги военных побед и установить послевоенный мировой порядок. В нём СССР отводилась роль сверхдержавы. В юбилейный год вышло множество публикаций, посвящённых жизни и дипломатической карьере Громыко. Но далеко не все авторы обращались к такому историческому документу, как газетные публикации. В настоящей статье предпринята попытка заполнить этот пробел на основе анализа материалов, вышедших в американской газете “Нью-Йорк таймс”.

Всего публикаций, в которых упоминается Громыко, в “Нью-Йорк таймс” за период с мая 1941 по январь 2019 гг. вышло более восьми с половиной тысяч. Первая заметка в “Нью-Йорк таймс”, в которой говорится об Андрее Андреевиче, появилась за пять недель до начала Великой Отечественной войны – 15 мая 1941 г. [Hull and Oumansky in hour's discussion, 1941]. В тот момент работой советской дипломатии в Соединённых Штатах руководил Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в США Константин Александрович Уманский¹, а 32-летний Громыко занимал должность советника посольства. В заметке сообщается о продлившейся один час беседе между госсекретарем США К. Халлом² и К.А. Уманским. В ходе неё обсуждались советско-американские³ торговые отношения. Громыко принял участие в этой встрече как высококвалифицированный эксперт, за плечами которого было несколько лет научной работы по проблемам американской и мировой экономики⁴. Заметка представляла собой краткое сообщение длиной в 43 строчки, ещё очень далёкое от тех развернутых очерков и комментариев конца 1950-х гг. и последующих десятилетий, в которых даётся полномасштабный дипломатический портрет Громыко и характеристика его переговорного стиля.

Следующая заметка, где вновь упоминается А.А. Громыко, датируется уже 27 октября 1941 г. Это был 128-й день Великой Отечественной войны. Немецкий 5-й корпус в этот день занял Волоколамск, 2-я танковая немецкая армия продвигалась к Туле, наши войска вели тяжёлые бои с немцами на Можайском, Малоярославском, Харьковском и Таганрогском направлениях. Андрей Андреевич, занимавший в тот момент пост поверенного в делах советского посольства в США, принял

¹ Константин Александрович Уманский – советский дипломат, трагически погибший вместе со своей женой в авиакатастрофе в 1945 г. В момент смерти К.А. Уманский являлся Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Мексике и по совместительству в Коста-Рике.

² Корделл Халл (Cordell Hull) – американский политик и дипломат, занимавший пост госсекретаря США с 1933 по 1944 гг. К. Халл стал лауреатом Нобелевской премии мира в 1946 г. за свой вклад в создание ООН.

³ Интересно, что в оригинальном тексте заметки речь идёт о “Russian-American trade relations”, то есть в сознании автора и редакторов “Нью-Йорк таймс” понятия “Russian” и “Soviet” являлись синонимами.

⁴ В 1936 г. А.А. Громыко защитил кандидатскую диссертацию по проблемам сельского хозяйства США и до поступления на дипслужбу в 1939 г. проработал три года научным сотрудником, а затем учёный секретарём Института экономики Академии наук СССР.

самое деятельное участие в организации сбора средств для оказания помощи своей Родине. 27 октября А.А. Громыко выступает от имени советского посольства на благотворительном вечере в Мэдисон-сквер-гардене в Нью-Йорке. На этом вечере было объявлено о начале общенациональной американской кампании по сбору средств на отправку медицинской и другой необходимой помощи в СССР. В мероприятии также приняли участие: Д.Э. Дэвис, бывший посол США в Бельгии и СССР и председатель президентского комитета по координации деятельности агентств оказания помощи во время войны; Э. Вуд, 1-й граф Галифакс и посол Великобритании в США в 1940–1946 гг.; У. Дюранти, британский журналист, руководивший в 1922–1936 гг. московским бюро “Нью-Йорк таймс”, а также другие представители американской общественности (бизнесмены, журналисты, университетские профессора).

В следующей заметке под заголовком “Громыко получает главный пост в необъяснимой перетряске” [Gromyko gets capital post, 1943], опубликованной 22 августа 1943 г., “Нью-Йорк таймс” реагирует на назначение Громыко Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в США взамен неожиданно (по мнению редакции газеты) отозванного в Москву М.М. Литвинова¹. На момент назначения Громыко было 34 года. Большая часть заметки посвящена анализу возможных причин такой “необъяснимой” кадровой перетряски. Указывается, что отставка М.М. Литвинова последовала вслед за призывами русской (т. е. советской) прессы, обращенными к союзникам, открыть второй фронт в западной Европе и оттянуть на себя часть германских сил. В публикации отмечено, что вопрос второго фронта являлся деликатным политическим моментом в отношениях между Советской Россией и её западными союзниками, и отставка М.М. Литвинова объясняется в заметке недовольством советского руководства их медлительностью. Газета впервые сопровождает новость о назначении нового советского посла фотографией А.А. Громыко, но не даёт характеристики его личности, уделяя основное внимание обзору дипломатической карьеры М.М. Литвинова – “импозантной”, по мнению газеты, фигуры “в русской внешней политике”.

В последующих публикациях тема назначения А.А. Громыко новым послом СССР в США получает своё продолжение. Так, в заметке от 4 сентября 1943 г. [Soviet envoy sees Hull, 1943], сообщающей о встрече Громыко с госсекретарем К. Халлом, впервые даётся характеристика манеры общения А.А. Громыко с прессой. Он умел быть сдержанным в словах: новый советский посол не разгласил журналистам “Нью-Йорк таймс” тему своего визита к К. Халлу. Громыко также был “уклончив” (“non-committal”), когда его спросили о перспективах созыва конференции глав внешнеполитических ведомств Британии, СССР и США. Когда же речь зашла о высадке союзников в Италии, Громыко проявил открытость, улыбнулся и отметил, что “это хорошая новость”.

Громыко входил в состав советских делегаций на всех крупных международных конференциях, определивших институционально-правовые основы послевоенного миропорядка. В октябре 1943 г. А.А. Громыко был участником Московского сове-

¹ М.М. Литвинов – отечественный революционер, а затем советский дипломат и государственный деятель, народный комиссар по иностранным делам СССР в 1930–1939 гг.

щения, на котором была принята Декларация СССР, США, Великобритании и Китая по вопросу о всеобщей безопасности. В соответствии с Московской декларацией в августе – сентябре 1944 г. проходила конференция в Думбартон-Оксе, на которой советская делегация, возглавляемая А.А. Громыко, обсуждала идею создания международной организации по безопасности. “Нью-Йорк таймс”, освещавшая работу конференции, отмечала, что своими коллегами из США “г-н Громыко воспринимается как трудолюбивый молодой дипломат, который поддерживает самый тесный контакт с Москвой по всем проблемам, входящим в его сферу ответственности в США” [Foreign office hand seen, 1944].

Две последующие крупные конференции (Тегеранскую¹ и Ялтинскую²) “Нью-Йорк таймс” освещала в серии информационных заметок и статей, воздержавшись от характеристики переговорного стиля дипломатов, готовивших их. Зато Сан-Францисскую конференцию газета освещала подробно. 28 мая 1945 г. на страницах “Нью-Йорк таймс” появляется заметка под заголовком “Громыко предостерегает союзников от разобщённости” [Gromyko cautions allies on disunity, 1945]. Это предостережение Громыко сделал, выступая в качестве члена советской делегации в Американско-русском институте в Сан-Франциско. В частности, он заявил, что “дефицит понимания и гармонии может подвергнуть серьёзной опасности мир и безопасность народов в будущие годы”. При этом он отметил, что “проблема сотрудничества между нациями” может быть решена, если между ними есть взаимное доверие.

В составе советской делегации на Сан-Францисской конференции А.А. Громыко боролся за то, чтобы право вето пяти постоянных членов Совета безопасности ООН распространялось на классификацию рассматриваемых Совбезом вопросов. Согласно ялтинским договорённостям, механизм голосования строился на различении “основных” и “процедурных” вопросов. Право вето не применялось к последним. Предложение Громыко, сделанное им в ходе Сан-Францисской конференции, было новым и расходилось с англо-американской позицией [Porter, 1945].

“Мне больше нечего сказать”

Способность выдерживать давление и умение отстаивать советскую позицию чуть менее чем через год сделали Андрея Андреевича героем американской прессы. Иранский кризис, положивший начало холодной войне, продемонстрировал западной общественности, что новое поколение советских дипломатов, олицетворением которого был Громыко, может быть не менее жёстким в отстаивании интересов

¹ Тегеранская конференция “большой тройки” (И.В. Сталина, Ф.Д. Рузвельта, У. Черчилля) проходила 28 ноября – 1 декабря 1943 г. в Тегеране. А.А. Громыко входил в состав советской делегации. Позднее под его редакцией были изданы документы Тегеранской конференции.

² Ялтинская конференция проходила в Ялте с 4 по 11 февраля 1945 г. Андрей Андреевич оставил свои воспоминания и о ней, в которых рассказал о подготовке и ходе конференции, раскрыл лидирующую роль И.В. Сталина в “большой тройке”.

СССР, чем предыдущее. В дипломатическую историю вошёл эпизод из его карьеры, когда он покинул заседание Совета безопасности ООН 28 марта 1946 г. Позднее в новых исторических условиях этот дипломатический шаг повторит Евгений Максимович Примаков, развернув свой самолёт над Атлантикой. Но тогда, в далёком 1946 г. в Совбезе ООН обсуждался не косовский кризис, а “иранский вопрос”. Громыко просил отложить его рассмотрение на две недели, но другие делегаты его не поддержали, и тогда он покинул заседание. “Нью-Йорк таймс” отреагировала на этот поступок целой серией публикаций, в которых демарш Громыко описывался в мельчайших подробностях.

Газета отмечает, что “было что-то драматически недраматичное в том, как осторожный (deliberate) г-н Громыко решил организовать свой уход” [Lawrence, 1946]. Так, “демонстрируя мало эмоций и мало заинтересованности в происходящем, Громыко начал медленно собирать различные бумаги и меморандумы, включая копии газетных сообщений, которые он использовал для представления своих аргументов. Всё это он собрал в аккуратную кучу, которую распределил по карманам своего темного костюма. Этот процесс длился 15 минут. Затем г-н Громыко обратился к председателю на русском со следующими словами: “Я как представитель СССР не могу продолжать участвовать в обсуждениях Совбеза, так как моё предложение не было принято Совбезом, равным образом я не могу присутствовать на заседании, и поэтому я покидаю его”. Пока Громыко говорил, Ч.Ю. Болен¹ шептал в ухо, фразу за фразой, перевод тогдашнему госсекретарю США Д.Ф. Бирнсу. Газета отмечает, что “закончив, г-н Громыко поднялся со своего стула, снял свои очки в роговой оправе и положил их в футляр. Когда он повернулся направо, чтобы обойти полукруглый стол, три его помощника последовали за ним. Советский делегат не проронил ни слова никому из его зарубежных коллег, когда он проходил мимо них, с каменным выражением лица направляясь к выходу”. “Нью-Йорк таймс” фиксирует время, когда Громыко покинул зал: было 5:19 пополудни. Статья сопровождалась фотографией, изображавшей уходящего Андрея Андреевича на глазах у озадаченных и изумлённых участников заседания.

Есть ряд интересных эпитетов, которыми “Нью-Йорк таймс” наградила Громыко и описала его поступок. Выражение его лица описывается не только через определение “каменное” (stony-faced), но и через понятие “poker-faced”, вызывающее ассоциации с умением контролировать свою мимику, присущим опытным карточным игрокам. Его шаг называют “зловещим” или “судьбоносным” (fateful). Вызывает интерес и описание советников А.А. Громыко, вместе с ним покинувших зал заседаний. Особенно поразил американских репортёров генерал-лейтенант А.Ф. Васильев², который следовал за Громыко с “по-офицерски прямой спиной

¹ Чарльз Юстис Болен был американским дипломатом с 1929 по 1969 гг. и экспертом по Советскому Союзу. Он служил в Москве до, во время и после Второй мировой войны, сменив Джорджа Кеннана на посту посла США в Советском Союзе.

² Александр Филиппович Васильев – советский военный разведчик и военный дипломат, кадровый сотрудник Главного разведывательного управления Генерального штаба РККА, личный секретарь-референт Сталина по вопросам военно-дипломатического сотрудничества с союзниками СССР во Второй мировой войне, представитель СССР в Военно-

(straight-backed)". Его журналисты "Нью-Йорк таймс" называли символом "армии, которая сражалась так благородно за дело мира" [Lawrence, 1946].

Громыко был первым постоянным советским представителем при Организации Объединённых Наций. Он был назначен на эту должность в 1946 г., одновременно став заместителем министра иностранных дел СССР. За время работы в ООН в 1946–1948 гг. он использовал право вето 25 раз, за что заслужил у зарубежной прессы прозвище "Мистер Нет". Он относился к ООН как к своему детищу, и за годы своей дипломатической карьеры не пропустил ни одной сессии Генассамблеи.

В 1949 г. А.А. Громыко стал первым заместителем А.Я. Вышинского. Он часто исполнял его обязанности во время болезней и отпусков Андрея Януарьевича. В конце 1940-х – 1950-е гг. холодная война набирала обороты. И тон комментариев "Нью-Йорк таймс", сопровождавших деятельность Громыко, сменился с восторженного на язвительный. В июле 1950 г., в начале корейской войны (1950–1953 гг.) "Нью-Йорк таймс" опубликовала статью "Русские аргументы" [The Russian Case, 1950]. В ней разбирается заявление, сделанное Громыко сразу после начала войны. Он отметил, что Корея была разделена американскими империалистами, установившими "кукольное правительство". "Нью-Йорк таймс" назвала это заявление "дьявольски умной мешаниной из недостоверности и бессмыслицы, состряпанной А.А. Громыко и его кремлёвскими начальниками с целью, которая не имеет ничего общего с исторической правдой". В этом же духе выдержаны и другие публикации "Нью-Йорк таймс" 1950-х гг., выходившие за грань простой информационной хроники. В то же время газета не отошла от признания дипломатического авторитета Громыко. В 1950-е гг. "Нью-Йорк таймс" называла его "ветераном дипломатии по линии Восток – Запад" [Gromyko is key figure, 1951].

В марте 1957 г., когда Андрей Андреевич был уже министром иностранных дел, "Нью-Йорк таймс" опубликовала статью "Советская атомная дипломатия" [Soviet Atomic Diplomacy, 1957], в которой проанализировала советскую ноту Норвегии, предостерегающую её от размещения на своей территории атомных баз НАТО. Нота, по мнению газеты, знаменовала собой отход от "жневской дипломатии улыбок"¹. "Нью-Йорк таймс" расценила назначение "stony-faced" "г-на Громыко" на должность министра иностранных дел как тревожный сигнал для "свободного мира" и призывала последний "найти ответ, который оградил бы его наиболее слабых членов от виктимизации".

Тем не менее Громыко не был главным объектом нападок западной прессы и, в частности, "Нью-Йорк таймс" в 1950–1960-е гг., так как Никита Сергеевич Хрущёв был очень яркой личностью, оттягивавшей на себя внимание прессы. Позднее ав-

штабном комитете ООН, затем – начальник Отдела внешних сношений Генерального штаба РККА.

¹ Имелась в виду Женевская конференция 1954 г., в которой участвовали министры иностранных дел СССР, США, Великобритании, Франции и КНР. На конференции рассматривались корейские и индокитайские вопросы. Обсуждение проблемы воссоединения Кореи завершилось безрезультатно. Вторая половина конференции была посвящена судьбе Индокитая. 21 июля 1954 г. были заключены Женевские соглашения, завершившие войну Франции в Индокитае.

тор очерка в “Нью-Йорк таймс”, посвящённого обзору дипломатической карьеры Громыко, отмечал, что “когда советский лидер снял свою обувь и ударил ею по столу в ООН в 1960 г., г-н Громыко не последовал его примеру. Но левый нижний угол его рта опустился ещё ниже, чем обычно, и он просто нахмурился” [Whitney, 1989]. Находясь, с политической точки зрения, в тени Хрущёва, Громыко в какой-то момент, сам того не желая, стал частью светской жизни американского общества. В его мемуарах содержится рассказ о мимолётном разговоре с М. Монро на одном из светских раутов. А “Нью-Йорк таймс” в своём очерке, посвящённом острой на язык Джеки Кеннеди [Sheehan, 1970], привела её слова, обращённые к Громыко после их пятиминутного первого разговора: “Боже, а Вы далеко не столь ужасны, как мне доводилось о Вас слышать”.

Роль Громыко в урегулировании карибского кризиса 1962 г. “Нью-Йорк таймс” поначалу освещала сдержанно, практически не выходя за жанровые рамки информационной хроники. Так, подытоживая “неделю драмы” [Week of drama, 1962], газета отмечала, что встреча между президентом США Д. Кеннеди и А.А. Громыко продлилась 2 часа и 15 минут, при этом никаких комментариев по итогам встречи дано не было. А затем Д. Кеннеди заявил, что “г-н Громыко дал ему “недостовверные” (false) заверения об оборонительном характере ракет, которые СССР готовился разместить на Кубе”. Сам А.А. Громыко в своих воспоминаниях написал, что “Кеннеди ни разу в разговоре не поднял вопрос о наличии советских ракет на Кубе; следовательно, мне не нужно было говорить, были ли они там или нет” [Громыко, 1990: 483].

Через месяц после карибского урегулирования “Нью-Йорк таймс” поместила на своих страницах большой очерк Ф.Ч. Икли¹ под названием “Портрет русского как дипломата; три советских переговорщика в трёх настроениях” [Ikle, 1962]. Очерк открывается фотографическим триптихом, на котором изображены С.К. Царапкин, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в США, А.А. Громыко и В.А. Зорин, представитель СССР в ООН. А.А. Громыко, занимающий центральную часть триптиха, изображен со взглядом, отведённым от зрителя, что придаёт его лицу надменное выражение, его левая рука приподнята в жесте, означающем победу (victory). Фотография подписана словом “жесткость” (rigidity).

Ф.Ч. Икли отмечал, что “коммунистические дипломаты” изображаются западной прессой как “гроссмейстеры дипломатических шахмат, играющие с западными любителями”. Советские дипломаты выглядят более жёсткими и цепкими по сравнению с западными. Так, А.А. Громыко “всегда требовал, чтобы именно советское предложение было положено в основу переговоров” [Ikle, 1962]. Сам Ф.Ч. Икли считал, что западные дипломаты действуют со стратегической точки зрения более правильно, представляя предложение “в предварительном виде и подчёркивая, насколько гибким оно является, подразумевая тем самым, что обе стороны должны

¹ Фрэд Чарльз Икли (1924–2011 гг.) – социолог и эксперт по обороне и внешней политике, работавший в экспертных центрах и на различных должностях в госдепартаменте США. В момент публикации статьи Фрэд Ч. Икли занимался исследованием переговорных техник в Гарвардском центре международных отношений (Center for International Affairs at Harvard). Это был его “саббатикл”, в который его отправил экспертный центр “Рэнд корпорейшн”. В “Рэнд корпорейшн” Ф. Икли проработал на тот момент уже много лет.

сделать уступки”. Однако переговорный стиль А.А. Громыко позволил добиться весьма значимых результатов для советской внешней политики.

А.А. Громыко умел быть жёстким. Многие ставят ему в упрёк поддержку военного вмешательства во внутренние дела Чехословакии в мае 1968 г. Тогда он заявил, что “советские люди не обязаны просить разрешения вмешиваться, когда речь идёт о проблемах мира, свободы и независимости народов”. Позже он отметил, что “это наше право как мировой державы” [Whitney, 1989]. Между тем необходимо понимать, что советская дипломатия определялась общим характером советской государственности, её идеологией и не могла позволить себе той степени свободы, которая была необходима для принятия Пражской весны. Проблема идеологической “косности” советской модели, невозможности её поступательного реформирования без рисков для самой советской государственности носила общий характер и накладывала свой отпечаток на советскую дипломатическую модель.

Гроссмейстер “дипломатических шахмат”

Между тем эпоха Л.И. Брежнева, в которую дипломатическая деятельность Громыко достигла своего апогея, вошла в историю не как период обострения холодной войны, а, напротив, как время разрядки. Громыко были поручены детали, переговоры, тексты договоров и технических соглашений, давшие разрядке институциональные и правовые формы. Именно Громыко вёл переговоры по советско-западногерманскому договору 1970 г., по которому Бонн признал послевоенное разделение Европы, существование Восточной Германии и потерю бывших германских территорий.

“Нью-Йорк таймс” в одной из своих статей справедливо отмечает, что разрядка в отношениях с Западом была вызвана возросшим охлаждением в отношениях Москвы и Пекина в начале 1970-х гг. [Whitney, 1989]. В этот период газета активно следит за дипломатией Г. Киссинджера, готовившего визит Р. Никсона в Китай, и за ответной дипломатией А.А. Громыко, стремившегося нормализовать советско-японские отношения. В январе 1972 г. вышла заметка “Громыко в Токио” [Gromyko in Tokyo, 1972], автор которой, касаясь курильского вопроса, довольно язвительно замечает, что “было бы удивительно, если бы г-н Громыко иногда не сожалел о том, что Сталин – самый успешный империалист в мировой истории, воспользовавшийся по максимуму победой во Второй мировой войне”. Ведь спор по “курильскому вопросу” препятствовал полной нормализации двусторонних отношений. Сам же визит Громыко в Токио назван “рыбалкой в беспокойных водах” [Hoisting, 1972].

А.А. Громыко никогда не сообщал прессе подробностей переговоров, которые он вёл. Так, после встречи с президентом Франции Ж. Помпиду в Париже в первых числах июня 1970 г. он назвал переговоры очень полезными, но в свойственной ему манере не раскрыл никаких подробностей [Gromyko in Paris, 1970].

“Нью-Йорк таймс” очень подробно освещала подготовку договора об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1), который был подписан во время визита Р. Никсона в Москву в 1972 г. Газета уделила внимание деталям, а также специфиче-

ческому юмору, который свойственен дипломатической среде. Так, отдельной темой для этой газеты стал страх американской делегации перед советской шпионской техникой, которой, как полагали американцы, были набиты номера в отелях и даже Большой Кремлёвский дворец. Газета уделяет внимание нескольким зарисовкам диалогов Г. Киссинджера и А.А. Громыко на эту тему. Когда переговоры были завершены и потребовалось снять копии с итогового документа, Г. Киссинджер поднёс экземпляр к люстре и, обращаясь к мнимому объективу, заявил: “Могу я получить полдюжины копий с этого оригинала?” На что А.А. Громыко, покачив головой, ответил, что скрытые камеры в этом Кремлёвском дворце были установлены ещё во времена Ивана Грозного и недостаточно чувствительны для копирования документов” [Safire, 1972]. В другой раз, когда Г. Киссинджер пытался выяснить, в каком месте спрятан скрытый микрофон, А.А. Громыко указал на горельеф, украшавший потолок дворца и изображавший полногрудую даму, и сказал: “Я думаю, Вам лучше стоит поискать его там” [Safire, 1972].

В дальнейших публикациях “Нью-Йорк таймс” неустанно следила за деятельностью Громыко, реагировала на его карьерный рост, особенно когда в 1973 г. он стал членом политбюро. “Нью-Йорк таймс” регулярно публиковала выдержки из его выступлений в ООН. В них Громыко выдвигал значимые разоруженческие инициативы. Помимо ОСВ-1, при его участии в 1970-е гг. были подписаны Договор о принципах взаимоотношений между СССР и США (1972 г.), Договор о недопущении ядерной войны (1973 г.), Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.), ОСВ-2 (1979 г.).

В 1979 г. ввод советских войск в Афганистан ознаменовал собой завершение периода разрядки, и американо-советские отношения вновь оказались в глубокой заморозке. Руководство СССР в те годы становилось всё более и более непреклонным, и олицетворением новой линии вновь был А.А. Громыко вплоть до прихода к власти М.С. Горбачёва, которого Громыко в марте 1985 г. выдвинул на должность генерального секретаря ЦК КПСС.

Всего за десятилетие 1980-х гг. в “Нью-Йорк таймс” было опубликовано более полутора тысяч материалов, в которых упоминался Громыко. Но многое осталось “за кадром” газетной хроники. В этот период он активно выступал в ООН на темы, актуальные и по сей день. В одной из своих речей начала 1980-х гг. он говорил о том, что “в последнее время США объявили чуть ли не “крестовый поход” против “международного терроризма...” [Громыко, 1984: 294]. Но это его замечание вполне применимо и к описанию процесса, начавшегося двумя десятилетиями позднее, когда Дж. Буш – младший объявил войну с террором в 2001 г. Очень актуальным в свете гуманитарных кризисов сегодня выглядит призыв А.А. Громыко, обращённый к ООН в связи с гражданской войной в Сальвадоре [Громыко, 1984: 294]. 1980-е гг. – это время, когда Андрей Андреевич выдвинул ряд идей, значимость и актуальность которых сохраняется до сих пор. В августе 1983 г. он направил генсеку ООН П. Де Куэльяру письмо о необходимости предотвращения милитаризации космоса. В нём он предлагал включить в повестку дня очередной сессии Генассамблеи ООН вопрос “О заключении Договора о запрещении применения силы в космическом пространстве и из космоса в отношении Земли” [Гро-

мыко, 1984: 558]. В том же письме Громыко говорил о недопустимости ядерной войны в любом её варианте [Громыко, 1984: 709].

Что касается портрета советского дипломата, который рисовала западная пресса, в том числе и “Нью-Йорк таймс”, то он сам находил его предвзятым. В одном из разговоров с сыном он сказал: “Сто раз снимут, на 99 фотографиях я буду улыбаться, а поместят ту, сотую, где не буду. Какой смысл встречаться с репортёрами, если у них одна задача – изобразить тебя в превратном свете” [Громыко А.А., 1997: 14]. И действительно, журналисты “Нью-Йорк таймс”, отдавая должное Громыко, всё же с большой неохотой, вынужденно признавали его победы.

Тем не менее отказать им в объективности нельзя. Именно читая их комментарии, можно увидеть, что А.А. Громыко, помимо многих качеств, которые справедливо ставят ему в заслугу, обладал и огромной международно-политической интуицией, трезвостью оценок. Например, в одной из бесед с канцлером ФРГ В. Брандтом он назвал Европейский общий рынок “ручным животным – динозавром, рожденным в неволе” [Whitney, 1989]. В свете сегодняшних трудностей, переживаемых ЕС, такая оценка европейской интеграционной модели отмечена в отношениях с США прозорливостью.

В некрологе, опубликованном “Нью-Йорк таймс” через несколько дней после кончины Громыко, журналист перечисляет его личные и профессиональные качества, позволившие ему стать “дипломатом № 1”. И нельзя не согласиться с приведённой оценкой. Во-первых, выделяется “преданность делу, которому он служил так долго”. Это высшая профессиональная похвала. Журналист отмечает, что “Сталин, Хрущёв, Брежнев – все нашли Андрея Андреевича незаменимым”. Другое качество, которое выделяет автор “Нью-Йорк таймс” – это “забота о деталях”. Наконец, отмечено столь важное для дипломата умение говорить “нет” [Whitney, 1989].

В целом газетная хроника “Нью-Йорк таймс” позволяет составить представление об А.А. Громыко как о дипломате, благодаря усердию которого был создан мировой порядок, основанный на международно-правовых гарантиях недопущения агрессивных войн.

Список литературы

- Громыко А.А. (1984) *Ленинским курсом мира. Избранные речи и статьи*, Политиздат, Москва, Россия, 735 с.
- Громыко А.А. (1990) *Памятное. Кн. 1*, Политиздат, Москва, Россия, 512 с.
- Громыко А.А. (1997) *Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля (воспоминания и размышления сына)*, Москва, Россия, 255 с.
- Громыко Ал.А. (2019а) Лучше 10 лет переговоров, чем один день войны. *Союзное государство*, №11(153) ноябрь 2019. С. 18–22.
- Громыко Ал.А. (2019б) “Война между государствами – великое зло” (К 110-летию А.А. Громыко). Социально-политические риски в условиях формирования нового мирового порядка: (К 110-летию со дня рождения А.А. Громыко). ИЕ РАН, Ин-т “Справедливый мир”, Ключ-С, Москва, Россия. С. 6–11.

References

- Gromyko A.A. (1984) *Leninskim kursom mira. Izbrannye rechi i stat'i* [By Lenin's Path of Peace: Selected Speeches and Articles]. Politizdat, Moscow, Russia, 735 p.
- Gromyko A.A. (1990) *Pamyatnoe*. [Rememberable]. Kn. 1, Politizdat, Moscow, Russia, 512 p.

- Gromyko An.A. (1997) Andrei Gromyko. V labirintah Kremlya (vospominaniya i razмышleniya syna). [Andrei Gromyko. In Kremlin's Maze (Memories and Thoughts of Son)]. Moscow, Russia, 255 p.
- Gromyko Al.A. (2019a) Luchshe 10 let peregovorov, chem odin den' vojny. Soyuznoe gosudarstvo, №11(153) noyabr' 2019. S. 18–22.
- Gromyko Al.A. (2019b) “Vojna mezhdru gosudarstvami – velikoe zlo” (K 110-letiyu A.A. Gromyko). Social'no-politicheskie riski v usloviyah formirovaniya novogo mirovogo poriadka: (K 110-letiyu so dnya rozhdeniya A.A. Gromyko). IE RAN, In-t “Spravedlivyj mir”, Klyuch-S, Moscow, Russia. S. 6–11.
- Foreign Office Hand Seen (1944) NYT. August 12.
- Gromyko gets capital post in unexplained shake-up (1943) NYT. August 22.
- Gromyko cautions allies on disunity (1945) NYT. May 28.
- Gromyko is Key Figure (1951) NYT. March 2.
- Gromyko in Paris (1970) NYT. June 3.
- Gromyko in Tokyo (1972) NYT. January 27.
- Hoisting H. (1972) The semantics of war. NYT. February 26.
- Hull and Oumansky in hour's discussion; whole field of trade with Soviet is reported studied (1941) NYT. May 15.
- Ikle F.C. (1962) Portrait of a Russian as a Diplomat. NYT. December 9.
- James E.L. (1945) San Francisco learns about Soviet diplomacy; Molotoff claimed much attention for his country, but end results were not altogether happy, diplomats found him tough. NYT. May 13.
- Lawrence Wh. (1946) Gromyko is stern and silent as he leaves UNO Chamber; Gromyko is stern on his departure. NYT. March 28.
- Porter R. (1945) New point raised by Russia on veto snarls big 4 talks. NYT. May 28.
- Safire W. (1972) The Moscow Summit. NYT. July 2.
- Sheehan S. (1970) The happy Jackie, the sad Jackie, the bad Jackie, the good Jackie. NYT. May 31.
- Soviet envoy sees Hull. Amb-designate Gromyko calls with USSR communication (1943) NYT. September 4.
- The Russian Case (1950) NYT. July 5.
- Week of Drama (1962) NYT. October, 28.
- Whitney C.R. (1989) Andrei A. Gromyko: Flinty Face of Postwar Soviet Diplomacy. NYT. July, 4.

A.A. Gromyko on the Pages of “The New York Times”

Author: Gromoglasova E., Candidate of Sciences (Politics), Leading Research Fellow at the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences, **Address:** d. 21, Bolshaya Ordynka, Moscow, Russia, 115035. **E-mail:** beth.lavrova1@gmail.com

Abstract. This article is focused on the way the personality of A.A. Gromyko, his diplomatic skills and his role in the Soviet foreign policy were perceived by the American public. The US public opinion on the Soviet diplomat No. 1 was shaped by the country's media. A.A. Gromyko has been in the spotlight of TV-cameras and American newspapers' reporters during all his diplomatic career. It is nearly impossible to study all the published materials (reportages, news, features etc.), dedicated to A.A. Gromyko. Therefore, just one empirical case-study was selected: records of A.A. Gromyko's life and deeds published by *The New York Times*. More than eight and a half thousand articles mentioning A.A. Gromyko appeared on the *NYT*'s pages from May 1941 to January 2019. For the purposes of this study nearly 100 *NYT*'s publications have been analyzed. The main outcome of the study can be formulated as follows. A.A. Gromyko, due to his personal qualities (his friendly manner of communication, prudence in words, sincere belief in the principles of legality and peaceful coexistence in international relations), was able to break the typical for the Cold War years American public's perception of the Soviets as the “enemy”. A The American press was describing A. A. Gromyko as a tough negotiator, *Mister No*, but at the same time he became an embodiment of humanitarian and ethical trends in the Soviet postwar diplomacy.

Key words: Gromyko, Soviet foreign policy, diplomacy, international negotiations, New York Times.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62019183193>